

ЯЗЫКОВОЙ ДЕТЕРМИНИЗМ И РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Курсовая работа студентки N курса Н.С.Беспонтовой

Научный руководитель доц. Б.П.Рябчиков-Жуй

МОСКВА 2010

Культура играет важнейшую роль в жизни человека. Именно благодаря ей он и становится *homo sapiens*. Существует множество определений культуры. Мы считаем, что прав выдающийся ученый Ю.М.Лотман, который в книге «Беседы о русской культуре» определяет культуру как «совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека». Но лучше всего культуру определил В.З.Демьянков, сказав, что «культура предполагает право субъекта на выбор из нескольких возможностей»¹. На основании этого определения Б.П.Рябчиков-Жуй делает вывод о том, что культура системна, куммулятивна, символична и противостоит природе [Рябчиков-Жуй 05: 12], с чем согласны Лотман и Э.Бенвенист.

Таким образом, культура включает в себя практически все, в том числе и язык. Существуют разные определения языка, но все согласны с тем, что язык представляет собой семиотическую систему, которую нужно отличать от первой сигнальной системы, отличие которой заключается в том, что в первой сигнальной системе реакция происходит в данный момент времени, например, собака не может думать об опасности, если опасности не существует. Человек же мыслит понятиями, представляющими набор дифференциальных признаков, поэтому он может говорить о предмете, когда его нет.

Исходя из вышперечисленного, можно сказать, что язык и культура связаны самым тесным образом, они взаимозависимы и взаимосвязаны. Но вот тут и возникает вопрос: что определяет что? Иными словами, культура ли определяет язык, на котором мы говорим? Или же, наоборот, язык определяет культуру, а также, соответственно, наше мышление и поведение? Вот тут-то и появляется языковой детерминизм. Его основоположником является Лео Вайсгербер, которого обвиняли в приверженности немецкому национал-социализму и сотрудничестве с гестапо и абвером². Однако

¹ В.З.Демьянков. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии.

² Фашистские контрразведка и разведка.

Вайсгербер не являлся пропагандистом нацистских идей, его даже критиковали в официальной партийной печати, называя его концепцию «враждебной народу языковой философией».

Надо сказать, что независимо от Вайсгербера к схожим выводам приходит американец Э.Б.Сепир-Уорф, зачинатель гипотезы лингвистической относительности или так называемой гипотезы Сепира-Уорфа. Согласно этой гипотезе мышление полностью предопределено языком, детерминировано им (поэтому и говорят о языковом детерминизме). Уже много лет ведутся споры о том справедлива эта гипотеза или, наоборот, ошибочна. Но многие ученые, например, Гумбольдт, Вежбицкая³, Б.П.Рябчиков-Жуй, А.А.Потебня, В.В.Красных⁴ и др. считают, что культура предопределена именно языком, а гипотеза лингвистической относительности является верной. Этому существует множество доказательств. Скажем, известные эксперименты с цветообозначениями, о которых писала Р.М.Фрумкина. «Мысль не выражается в слове, а совершается в слове», - заявлял великий отечественный психолог Л.С.Выготский, которого называют «Моцартом психологии». Это положение является убедительным свидетельством того, что мышление зависит от языка.

Мы постараемся представить свои доказательства языкового детерминизма и сделаем это на примере русской фразеологии, что, конечно, вовсе не является случайным. Фразеология естественного языка - это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира и национальная культура. Благодаря фразеологии можно проникнуть в далекое прошлое не только языка, но и истории и культуры его носителей. «Фразеологический корпус языка, - пишет В.Н. Телия, - особенно благодатный материал для исследования, поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной

³ Вежбицкая А. Русский язык. М. 2001, с. 23.

⁴ В.В.Красных. Свой среди чужих? Чужой среди своих?

картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» (Телия, 1996 : 9). Фразеология, продолжает ученый, – «это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» (Телия, 1996 : 9).

Нам близка позиция, согласно которой всякий фразеологизм - это текст, т.е. хранитель национально-культурной информации. Фразеологизмы прямо (в денотате) или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, социуме. ФЕ представляет собой сгусток культурной информации, позволяет сказать многое, экономя языковые средства и в то же время добираясь до глубины народного духа, культуры (Маслова, 1997 : 45,47).

Но надо разобраться с тем, что же такое фразеологизм. Ведь и по этому вопросу среди ученых нет единства во мнениях. Какое же понимание фразеологизма является правильным? Нам кажется, что такое определение дает Б.П.Рябчиков-Жуй, который пишет: «Фразеологизм как языковой знак – это знак с максимально полным семантическим набором, кодифицированным в форме значения в виде макрокомпонентов, охватывающих грамматику, денотацию, оценку, мотивацию, эмотивность и стилистическую маркированность».

Разобравшись с тем, что такое фразеологизм, рассмотрим теперь, как фразеологизмы, с одной стороны, отражают, а с другой – определяют национальную культуру.

Особенно ярко это проявляется в тех культурных кодах, которые есть во фразеологизмах. Согласно В.Н.Телия (2003: 75) существуют разные коды: телесный, зооморфный, вещный, архитектурно-домоустроительный, природно-ландшафтный и др.

В основе фразеологизма лежит некий образ, определенная метафора, основывающаяся, как справедливо указал Б.П.Рябчиков-Жуй, на архетипических, т.е. наиболее древних представлениях. Архетипы, как всем известно, являются универсальными, т.е. общечеловеческими. Казалось бы, это противоречит концепции языкового детерминизма, но это не совсем так. Основа, действительно, во всех без исключения языках одинаковая, а вот внешние проявления разные. Например, в испанском языке есть фразеологизм *la sangre azul*, который в виде кальки вошел в русский язык как *голубая кровь*. Такое выражение возникло очень давно и обусловлено тем, что кастильские аристократы очень гордились тем, что никогда не смешивались с маврами, захватившими Испанию, поэтому сохранили белую кожу, через которую голубели вены. В русской истории и культуре ничего подобного не было, однако испанский фразеологизм прижился у нас. Так как общие представления о *крови* как элементе телесного кода у русских и испанцев не отличаются. Кровь, согласно этим представлениям, является той субстанцией, которая определяет самые разные качества человека. Русские полагают, что аристократы настолько отличаются от остальных людей, что у них даже кровь особого цвета.

А вот еще один пример. В немецком языке есть выражение *mit dem Kopf durch die Wand (rennen) wollen*, которое дословно переводится *пытаться пробить головой стену*. Точного аналога у него в русском языке нет, приблизительно оно означает *лезть на рожон, совершать глупые поступки*. Почему же подобной кальки нет в русском языке? А потому, что русские и немцы по-разному видят стену, являющуюся единицей архитектурно-домоустроительного кода. Для русских *стена* – это непреодолимое препятствие (ср.: *как за каменной стеной, прижать к стене* и др.), а для немцев – нечто, что можно обойти, поэтому пытаться пробить лбом стену – занятие для глупцов. Получается, что представители разных лингвокультур по-разному воспринимают единицы архитектурного кода. Это не только отражается во фразеологии, но и «навязывается» фразеологией.

Фразеология «навязывает» нам и представление о времени, которое является важной составляющей языковой картины мира вообще. С одной стороны, мы расположены лицом к будущему и спиной к прошлому, о чем свидетельствует, например, такой фразеологизм, как *на носу* (*сессия на носу, праздники на носу* и т.д.); чтобы увидеть прошлое, надо *оглянуться назад*; прошедшее оказывается у нас *за спиной, за плечами* (*у него две войны за плечами, у них целая жизнь за спиной*). Но с другой стороны, мы, наоборот, смотрим назад, а будущее оказывается сзади. Этому есть масса свидетельств. Например, такой фразеологизм, как *за плечами* в другом значении: *смерть стоит у него за плечами*; а также *дышать в спину*: *угроза увольнения дышит мне в спину*. Кстати, о таком же отношении ко времени говорит и такая лексема, как *предки*, т.е. те, кто жили раньше, оказываются *перед* нами, а не *за* нами.

Все это, как справедливо отмечает Б.П.Рябчиков-Жуй, убедительно доказывает сочетание в русской языковой картине мира элементов линейного, континуально-дискретного и циклического отношения ко времени. И об этом важном обстоятельстве нам тоже говорит фразеология.

И последний пример, на котором хотелось бы остановиться. Казалось бы, при всем разнообразии человеческих жилищ, флоры, фауны, ландшафта, среди которых развиваются различные культуры, анатомия и физиология человеческого тела у всех одинаковы. Но соматические коды обнаруживают серьезные различия. Скажем, *нос* у русских отличается своеобразием. Он является одним из важнейших знаков телесной границы. В различных фразеологизмах *нос* обозначает пространственную границу, приближение к которой означает максимальное приближение к человеку вообще, например: *нос [носом] к носу*. Знаком пространственной близости *нос* выступает и в таком фразеологизме, как *под [самым] носом*, который имеет аналоги в других языках: в других языках: англ. *under one's (very) nose*; исп. *ante la nariz*. Во фразеологизме *не видеть дальше своего носа* нос выступает как «пограничный столб» внутреннего пространства его обладателя. Об

универсальности этого образа свидетельствуют аналоги данного фразеологизма в других языках, напр.: нем. *nicht ueber die eigene Nase hinaus sehen*, исп. *no ver mas alla de sus narices*.

Теперь остановимся на специфике русского *носа*. Не имеет аналогов фразеологизм *на носу*. Интересно, что *нос* в данном случае принадлежит не столько «своему», сколько «чужому» пространству, хотя и предельно близкому «своему». Ведь событие, которое оказывается *на носу*, еще не наступило, но еще не «здесь», а «там».

Сказанное свидетельствует о своеобразной автономности *носа* по отношению к человеку. Видимо, не случайно Н.В.Гоголь наделил способностью оставить своего обладателя и независимо от него разъезжать по городу в вицмундире именно *нос*.

Кроме того, *нос* обладает фаллической символикой, явно присутствующей в обыденном сознании носителей русского языка и позволяющей с несколько иной точки зрения взглянуть на приведенные выше фразеологические единицы. В подтверждение сказанного можно заметить, что в обиходном сознании существует представление о прямо пропорциональной зависимости длины носа и пениса (находит отражение в фольклорных текстах), народная примета говорит о том, что прыщ на носу свидетельствует о влюбленности и др. Не откажем себе в удовольствии привести весьма пространную цитату: «Фрейдист мог бы утверждать, что в вывернутом наизнанку мире Гоголя человеческие существа поставлены вверх ногами (...), и поэтому роль носа, очевидно, выполняет другой орган, и наоборот. (...) Знаменитый гимн носу в «Сирано де Бержерак» Ростана – ничто по сравнению с сотнями русских пословиц и поговорок по поводу носа. Мы вешаем его в унынии, задираем от успеха, советуем при плохой памяти сделать на нем зарубку, и его вам утирает победитель. Его используют как меру времени, говоря о каком-то грядущем и более или менее опасном событии. Мы чаще, чем любой другой народ, говорим, что водим кого-то за нос или кого-то с ним оставляем. (...) Писатель, который

мельком сообщит, что кому-то муха села на нос, почитается в России юмористом. В ранних сочинениях Гоголь не раздумывая пользовался этим немудреным приемом, но в более зрелые годы сообщал ему особый оттенок, свойственный его причудливому гению. Надо иметь в виду, что нос как таковой с самого начала казался ему чем-то комическим (как, впрочем, и любому русскому), чем-то отдельным, чем-то не совсем присущим его обладателю и в то же время (тут мне приходится сделать уступку фрейдистам) чем-то сугубо, хотя и безобразно мужественным»⁵.

Мы полагаем, что именно эротическая символика находит отражение во фразеологизмах *водить за нос, оставить с носом, совать свой нос в чужие дела*.

Подводя итог нашим рассуждениям, заметим, что приведенные примеры, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о теснейшей связи языка и культуры и о том, что гипотезу языкового детерминизма можно признать в целом верной.

ЛИТЕРАТУРА

- Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. М., 1996.
Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии.
Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. М. 1996.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. 1974.
Рябчиков-Жуй Б.П. Избранные труды. М. «Зимний сад». 2005.
Вежбицкая А. Русский язык. М. 2001
В.В.Красных. Свой среди чужих? Чужой среди своих?
Выготский Л.С. Мышление и речь. М. 2000.
Телия В.Н. Русская фразеология.
Большой фразеологический словарь русского языка. М. 2006.

⁵ [Набоков: 33-34].